

ВЛАДИМИР ПОПОВ

ДОЛГИЙ ПРИВАЛ В “ДОЛИНЕ СЛЁЗ”

К 20-летию “бархатных революций” на востоке Европы

“...Только зависть и жадность у вас первого сорта”, – восклицал бес- смертный М. Е. Салтыков-Щедрин. Схожими словами бундесбюргеры пори- цают дерзкий отказ прибалтов – иждивенцев ЕС затянуть пояса. Подумать только, они и впрямь вообразили, что и в мировой кризис земля должна течь для них молоком и мёдом? Размолвки и раздражительный тон общения “ста- рой” Европы и желторотых демократий за Одером живо напомнили мне раз- говор у Щедрина Мальчика в Штанах с Мальчиком без Штанов.

В кумирнях Пражской весны

В демократическом Вильнюсе разъярённая, отчаявшаяся толпа попыта- лась взять приступом сейм. В Риге на Домской площади полицейские жёстко схватились с демонстрантами. “Хлеба, работы, денег!” – требовали от влас- тей бунтовщики. А в ответ – резиновые пули и едкий слезоточивый газ. Пре- зидент Литвы Адамкус нес смешную несуразицу про каких-то таинственных “подстрекателей” извне. Как тут не вспомнить настоящих провокаторов из на- ционалистического “Саюдиса”, по чьей вине в 1990 году пролилась кровь во время ночных событий у телецентра в тогда ещё советском Вильнюсе. По- мним мы и невзоровские телерепортажи из стана непокорившихся, предан- ных Горбачёвым бойцов рижского ОМОНа.

Сегодня же видим своеобразный ремейк тех, уже позабытых, бурных со- бытий конца “перестройки”. Но только с переворотом исторической сцены. Младое, “непоротое” поколение внуков вождей “Саюдиса” вышло на площа- ди. Настал их черёд поквитаться с себялюбивой властью. Знак презрения проворовавшимся националистическим элитам – булыжники в респектабель- ный еврофасад мнимой независимости. Тем часом и в Киеве, молитвами вождей “помаранчевой” революции, Незалежная на волосок от государствен- ного банкротства. Это они, субчики, надежда “старых” демократий, прошлым студёным январём немилосердно “вымораживали” газовой блокадой слова- ков и венгров – соучастников русофобской Братиславской декларации. Всё смешалось в демократическом доме на востоке Европы.

Мировой кризис нежданно и беспощадно обнажил исподнее незадачли- вых молодых “демократий”. Их полную экономическую несостоятельность. Вороватость и моральное банкротство националистических элит, что сраму не имут.

Много воды утекло в Днепре и Дунае со времён “бархатных” революций... А то, что происходит, вероятно, назначено было всё-таки Промыслом исто-

рии. Невольно вспоминаются воодушевляющие слова Маркса: “Хорошо роет старый крот!”

“...Не станет ли интеграция европейских народов началом дезинтеграции самого худшего сорта, которую можно видеть в бывшем Советском Союзе?” (Александр Зиновьев. “Запад”). Тогда, в смутные девяностые, даже вообразить себе такое было невозможно. Шенген, евро, падение границ и упразднение таможен... Вековая мечта о единой Европе на глазах превращалась в явь. Но... Ошеломляющие предвидения и суровые предостережения Александра Зиновьева, из мюнхенского далека, сбылись!

Венгерский премьер Дюрчань перед отставкой заявил не без горечи, что в Европе возводится “золотой” занавес. По той же мере, где “при Советах” пролегал железный. Восток и запад континента порознь спасаются под ударами мирового экономического кризиса. Бывшие государства Варшавского Договора попрекают старую Европу-покровительницу, дескать, скупа стала и неотзывчива к их отчаянному положению. Представитель европейского Центробанка заявил, что “вхождение новых государств в зону евро невозможно”. Старые учредители Маастрихтского соглашения отказали восточноевропейцам в спасительной привилегии отдаться под покровительство твёрдой валюты – евро. Но если они остаются при своих золотых и форинтах, стало быть, Брюссель идёт на попятную?

Пока что нет речи о полном раздразе единой Европы. Еврокомиссия и банки Запада всё-таки выручили займами Латвию, Венгрию и Украину в одном шаге от государственного банкротства. Вот и президент Обама после страсбургских торжеств по случаю 60-летия НАТО завернул в Прагу подбодрить приунывших восточноевропейцев. Блеснул риторикой в духе freedom, помахал на прощание ручкой с трапа “Боинга”. Будто бы с высокой стены замка с запёртыми коваными воротами.

Торжества по поводу 20-летия падения Берлинской стены прошли без былого огонька. В кумирнях Пражской весны пустовато. А свежие социологические опросы выявили ошеломляющее безразличие “новых европейцев” по ту сторону Одера к мифологии “бархатных революций”...

Бунтарский “Экономикс” для бедных

“...Тимоти Эш имел достаточный повод, когда изобрел для Польши... специальное словечко – рефолуция – то, что вчера считалось государственной изменой, сегодня стало официальным символом веры”. Это цитата из “оружейной лекции” известного немецкого политолога Ральфа Дарендорфа в британском колледже Брикбек в ноябре 1990 года.

Переворот и полная смена государственного строя в Польше, подчёркивал он, приключились не в результате давления масс снизу, а скоропалительных и сокрушительных реформ сверху. Рефолуции – значит, ненастоящие, “бархатные”, с заметным театральным налётом. Вообще все события в Восточной Европе после падения Берлинской стены сопровождались “эйфорией необычайности”. Однако для опытного глаза было очевидно: за всеми “спонтанными” действиями персонажей политических подмостков чувствовалась опытная рука и воля кукловодов.

И как тут не вспомнить политического мыслителя Йозефа Шумпетера, строго различавшего “психологию толпы” и “психологию масс”. Первая, дескать, не имеет никакого классового содержания. О неисповедимости же второй в своё время метко сказал Лебон: “Внезапное исчезновение в состоянии воодушевления моральных ограничений и цивилизованных способов думать и чувствовать”. Этот клинический “диагноз”, подмечал Шумпетер, чувствительный удар по “демократическому фольклору о революциях”. Под ту же сурдинку массовый синдром “лучезарного” августа 1991 года в Москве. И наваждение “Голосуй сердцем!”, когда “реформаторы” уломали-таки оказавшееся у разбитого корыта большинство ещё разок попытать рыночного “счастья” вместе с Ельциным и К^о.

Горе тому, кто посягнет на святая святых массовых иллюзий! А Дарендорф взял и дерзнул: “Путь к процветающей рыночной экономике пролегает через “долину слёз”. Предостережение, высказанное на пике всеобщих иллю-

зий. Увы, совет “вольноотпущенникам” из соцлагеря держать ухо остро не был услышан. Между тем социолог, с истинно немецкой рассудительностью, увещевал: “Горький опыт говорит за то, что дорога от душевого дохода в 1200 долларов к доходу в 24 тысячи проходит не только через тернии, но и кое-что похуже”. Но митингующие на площадях не посещали его лекций, а речистый специалист по политэкономии социализма Гавриил Попов складно и по-своему завлекательно излагал по “ящику” бунтарский “Экономикс” для бедных.

Неумолимый же Дарендорф, словно наперекор пребывавшим в фаворе перестройщикам-демократам, “засвечивал” изнанку процветающего “общества потребления”: “Запад – не такое безоблачное место, как это вам представляется”. Восьмидесятые годы были, дескать, торжеством “казино-капитализма”. Деньги делали деньги. Экономический рост поддерживался за счёт безудержного увеличения долгов государства и потребителей. В “Письме некоему господину в Варшаве” (1990 г.) он призывал не слишком заглядываться на благолепие фасада Старого Света: “Мы имеем сегодня дело с Европой фальшивого разнообразия и фальшивого единства”.

Сегодня, из прожитого, куда понятнее, что сведущий немец нам, непутёвым, втолковывал. Но в перестроечной горячке конца 80-х толпа на Манежной, срочно возжелавшая зарубежных благ, и “идеалисты”-интеллектуалы – предводители коллективного, всем миром, бегства на Запад – оставались глухи, будто токующий тетерев. Все опрометью бросились в “долину слёз” – наудачу. Авось повезёт! Оглянуться не успели, как грянуло времечко, про которое Ральф Дарендорф, учёная голова, верно напророчил: “Индивидуальный шок переходит в социальный”.

И вот скоро минует почти два десятилетия после *революций* на Востоке Европы и в республиках Союза ССР. Для молодого поколения это уже предание давно минувших дней. И даже от крыльца бывшего Английского клуба на Тверской куда-то, с глаз долой, тихонечко спровадили на свалку “исторический” мемориальный троллейбус с потешной баррикады на подступах к Белому дому в августе 91-го. Поиздержались, поистерлись, как медные пятаки, и как-то незаметно слиняли былые демократические витии. Кто их упомнит уже?

А на дворе неисповедимый и немилостивый XXI век. Прямо на глазах происходит крутая смена парадигм. Британская газета “Скотсмен” в редакционной статье поведала о двух знамениях наступавшего 2007 года: возрождении России в роли великой державы и закате неолиберализма, символом торжества которого явилось падение Берлинской стены. Признание британцев меланхоличное, но здоровое. Извлечены ли уроки? В этом смысле книга полемических эссе Ральфа Дарендорфа “После 1989. Размышления о революции в Европе” представляет ныне живой и поучительный, а вовсе не только ретроспективный интерес. Русский перевод вышел в издательстве “Ad Marginem” в самый разгар дефолта 1998 года. Тогда было не до интеллектуальных рефлексий – спасайся, кто может! Между тем и сегодня, в отчаянии и замешательстве крушения “глобального” капитализма, “несвоевременные” мысли автора остро злободневны. Его феноменология *революций* на Востоке Европы, на мой взгляд, содержит ключ к ещё одному, взвешенному, осмыслению всего, что происходило у нас в России и бывших странах Варшавского Договора в последние лет двадцать.

“Временная ловушка”

“Свобода, равенство, благоденствие (особенно это благоденствие!) принимаются какими-то догматами веры, – пенял девичьему легковерию либеральствующей публики своего времени Константин Леонтьев. – Правильная вера в прогресс должна быть пессимистическая, а не благодущная, всё ожидающая какой-то весны”.

Ральф Дарендорф, последователь жёстких концептов Поппера и Хайека, пожалуй, вполне отвечает как раз такой, “пессимистической” вере в прогресс. Разве не нагадал он восточноевропейцам, вызволенным горбачёвской “перестройкой” и революциями, кремнистый путь к “благому обществу” через “долину слёз”? Не делал он потачки и кремлёвскому небожителю с его за-

виральным “новым мышлением”: “Я весьма сурово обошёлся с президентом Горбачёвым и его общеевропейским домом”. Не признал, хоть тресни, что у “лучшего немца” — ума палата. Ребячеством и прожектерством представлялись ему разглагольствования о “Европе от Дублина до Владивостока”. Такая непочтительность на фоне повального восхищения на Западе крэзи Горбачёвым была, что ни говори, редкостью.

Донимали Дарендорфа сомнения, предчувствия и помрачнее. А что, призадумывался дотошный немец, если и впрямь правы окажутся в своих ожиданиях пессимисты: в то время, как Запад покидает XX век и вступает в век XXI, Восточная Европа покидает XX век и вступает в век XIX? Бывшие соцстраны, возвращающиеся, исполненные восторгов, в лоно Запада, как бы ненароком не очутились во “временной ловушке”! И благословенное воссоединение не обернулось бы карабканьем вверх по лестнице, ведущей вниз.

Социолог, даже проницательный, не ясновидец. Однако поразительным образом давние дурные предчувствия немецкого интеллектуала о Восточной Европе, откатывающейся в век XIX, ныне, поколение спустя, не такая уж фантазмагория, если приглядеться к изнанке новых реальностей. До самого последнего времени из Варшавы и Будапешта доносилась лишь аллилуйя европейской интеграции. Приобщение к Маастрихтскому договору и НАТО, ничего не попишешь, золотая охранный грамота для “молодых демократий” на Востоке Европы. Это и вожденное водворение в шенгенское пространство, и свободное движение товаров, капиталов, идей и инноваций, и Европа без границ — от Нарвы до Варны. В Брюсселе, прежде покойном “логове беззубого льва”, “новые европейцы” с Востока повели себя не как бедные родственники, а весьма требовательно и задиристо. А президент Качиньский, олицетворение кичливого ляха, привнёс в благочинную атмосферу брюссельских ассамблей буйные нравы польского сейма времен Стефана Батория.

Загвоздка, думаю, вовсе не в разнице менталитетов. И даже не в маргинальности новых восточноевропейских элит. Дело в том, что цивилизационный разрыв после исчезновения Берлинской стены с годами не преодолевается, а, как на грех, возрастает. Равно как и взаимное охлаждение и отчуждение. Неизбежные издержки модернизации обществ здесь ни при чём. Причина более глубокая. Она в несостоятельности, как бы заново нажитой... захудалости экономик, самые основы которых оказались опрометчиво, если не намеренно порушены шальными “революционерами” вслед поспешной ликвидации СЭВа. На поверхности, казалось бы, тишь да благодать. Пусть через пень-колоду, но движение к евростандартам прослеживалось во всём, кроме, пожалуй, душевых доходов. Но последнее дело наживное — подбадривали друг друга “новые европейцы”. И проглядели главное: глубинные течения жизни на Рейне и за Одером разнонаправленны. Спустя почти двадцать лет после “воссоединения” сбывается футурология с обратным знаком. Восточная Европа по многим существенным и непроверяемым показателям социокультурного развития откатывается вспять. Конечно, не в буквальном смысле, как если бы восстала из праха Австро-Венгерская империя, а Львову вернули название Лемберга.

Политиканы, а заодно и массы обывателей новой Тьмутаракани “единой Европы” ни за что себе не сознаются, что обмишурились. Но как бы ни упрямились, ни тешили себя, а *революции* конца восьмидесятых в Восточной Европе, как и “демократический” переворот августа 1991 года в России, на поверку несли в зародыше реакционный и реставрационный запал, а вовсе не прорыв в “информационное общество”. Вожденное приобщение к “золотому миллиарду”, которым подманивали восточноевропейскую образованщину, — держите карман шире, господа! Гавелы-то своим тесным кружком, понятное дело, ловко приобщились, да что проку всем остальным?

Немецкий “локомотив” забуксовал

Участь “дойной коровы” Европейского союза выпала Германии. Практичные немцы долго терпели-носили это бремя. Ежегодно более десятка миллиардов евро составляли субсидии ФРГ в бюджет ЕС. На эти немалые пожертвования Брюссель поддерживал слабую экономику новых своих членов на

Востоке. Бундесбюргер где-нибудь в баварском местечке и важные господа из Дойчебанка с немецкой рассудительностью исправно платили по счетам. Всё экономическое развитие на востоке Европы долго держалось на негласном пакте, заключенном во время головокружительного геополитического переворота 1990 года. “Лучший немец” в Кремле в лёгкую сдал тогда своих союзников по Варшавскому договору. В свою очередь, западные союзники, не без угрызений совести, дозволили двум Германиям воссоединиться (Уинстон Черчилль счёл бы это за государственную измену) и в близкой перспективе вновь стать европейским гегемоном. Германия заполучила шанс претворить свою превосходящую экономическую мощь в политическую. Федеративная Республика теперь не только сердцевина Европейского сообщества, но и локомотив развития ЕС.

Итак, по негласным условиям сделки, единая Германия отказывалась от своей сильной марки и брала на себя расходы по ускоренному трафику европейской интеграции. Мировой кризис порушил этот уговор. Германии уже не по силам быть “якорем”, удерживающим европейскую валюту в бурном море мирового кризиса. Бундесбюргеру впредь это не по карману. Мощная все последние десятилетия германская экономика подалась вспять. Около 52 процентов бюджетов немецких домохозяйств уходит в налоги. Доходы “простых” граждан ФРГ упали до 20-летнего минимума. Средний посленалоговый доход немца составляет “чистыми” всего 1320 евро. Это, конечно, не сравнить с 500 евро номинального заработка в Латвии или Словакии. Но даже такое сближение уровней жизни с “восточниками” создаёт подозрение в нахлебничестве. Тут-то “эгоизм” Михеля и взыграл! И это, как в зеркале, отразилось в драконовских условиях “антикризисных” займов МВФ Латвии, Венгрии и Украины. Вассалам жёстко приказывают по одежке протягивать ножки. “Восточники” в отчаянии схватились за голову: на треть, а то и больше, урезаются госрасходы, а социальные программы, считай, под ноль. В Риге даже полицейские забастовали, когда им срезали зарплаты. “Шоковая терапия” настигла “младоевропейцев” в самый разгар их фальшивого благоденствия. “Жёсткое приземление” состоялось.

Только теперь и вскрылся главный подвох всего этого упоительного “ретро”. После почти двадцати лет восторгов, разочарований и житейских мытарств либеральной реформации вдруг очнуться в “кажете прошлого”, что и говорить, сильная встряска. Поверить в такое душа рядового обывателя противится. Однако приглядимся повнимательней к мозаике “нечаянных” черт нового цивилизационного ландшафта на исходе долгого пути через “долину слёз”. И что мы видим? На Балканах вместо сильной и процветающей федерации южных славян – россыпь враждующих “княжеств” – этнократий и клик. В Варшаве видят сны наяву о воскрешении Речи Посполитой. В Прибалтике успешно управились с деиндустриализацией. В Литве и Эстонии – настоящее “ретро” двадцатых годов прошлого века. Таллин вновь стал Датским городом, а вся уездная округа – своего рода скандинавской небогатой “Сицилией”. Мировой кризис обрушил облюбованную прибалтами “экономику услуг”. Банки лопаются, мелкие бизнесы сворачиваются, а безработным судьба разбресть по хуторам. Или на чужбину. Да и там чужаков теперь отваживают. Уж если в Австрии менеджер банка, уволенный с должности, рад заполучить место зрителя в зоопарке?

Профашистские режимы Балтии все равно не унимаются и с досады поддразнивают русского Ивана. И тут же невпопад домогаются от Москвы смехотворных “репараций”. В Бухаресте и Софии избиратели, изверившись в новых либералах и социалистах, попеременно правивших, одно время ударились в блажь призвать княжить бывших августейших особ. Ющенко вообразил себя новоявленным Петлюрой. А у нас в Белокаменной монархисты разного толка требуют от смердов “покаяться” всем миром и преклонить колени перед сомнительными наследниками Романовского дома.

Крайний национализм “крови” с неизбежностью ведёт в тупик. Потому что он всегда противоположен тем силам, которые творят государство. Этнократия, дословно – власть племени, воплощение “местнического” государства. Оно тщится всё “инородческое” ограничить и стеснить, а подлинное государство, напротив, вбирает и приемлет. Так потомок татарского рода Борис Годунов стал русским царём. Примитивность и постыдность методов и ухваток, к которым прибегают воцарившиеся в СНГ этнократии, низкий пошиб полити-

ков – всё это слишком наглядно обличает духовную нищету такого национализма. Полоумное стремление обратить вспять историческое время – родовая черта ющенко, тягнибоков и, душа в душу, их прибалтийских собратьев. Для всей этой публики легионеры – эсэсовцы и каратели из батальона “Нахтигаль” – беззаветные “борцы” за национальную идею и “незалежность”.

Окаянство этнократов, что и говорить, “стыдная” тема для чувствительных к “правам человека” лицемеров в Брюсселе, штатных опекунов над одиозными режимами, которые проходят у них по реестру “новых демократий”. Когда подопечные топчут права “неграждан” и национальных меньшинств, гражданская совесть Европы невозмутима. Между тем омерзительные профашистские “эксцессы” во Львове, Риге, Таллине и Бухаресте, поощряемые официальными властями, всё множатся. Но и долготерпение опекунов и подстрекателей ющенко не убывает.

Особый “случай” этнократического поведения – одержимость маргинальных элит свести “исторические” счёты с соседями, возобновив столетней давности тяжбы о принадлежности “исконных” земель по Дунаю и т. д. Этими склоками они почём зря порочат, грубо попирают благословенную, краеугольную идею единого европейского отечества. Впрочем, если копнуть поглубже, в начинке новых твердокаменных “национализмов” не кремень, а труха. Национальная “идентичность”, “незалежность”, с которых сдувают пылинки, и непререкаемая “исключительность” – на поверку лишь демагогические фигуры речи, пустые клятвы и радения. Вроде тех, что на горе Говерла справляют почитатели и духовные наследники Степана Бандеры. Национализм самого отчаянного толка – лишь товар на политическом торжище, а ещё метка чиновничьей лояльности властям, а вовсе не всамделишная, имеющая высокое и самоотверженное целеполагание национальная идеология. Это всё монета разменная.

На мой взгляд, и подтверждений тому хоть отбавляй, потаённая “думка”, действительный, а не на словах, мировоззренческий и цивилизационный выбор яро националистических элит – *космополитизм*. Если на то пошло, не очень-то афишируемая, но тихой сапой протаскиваемая “кураторами” от ЕС идея “Европы регионов”. Она и есть не декларируемый, чтобы не дразнить гусей, золотник всей конституционной конструкции ЕС. “Европа регионов” – подмена и противоположность Европе отечеств. Национальное государство сходит с арены – давно предрекали “глобалисты”. За будущим торжеством “Европы регионов” стоят самодовлеющие бизнес-интересы транснациональных компаний.

“Лига Севера” в Италии – первая дерзкая заявка “Европы регионов”. А ещё Каталония, Страна Басков – экономически развитые этнические территории, норвящие отлепиться от ярма “бюрократий” и фискалов столиц...

Если за этим трендом – будущее и покровительство могущественных ТНК, сильных мира сего, то “самостийники”, со всеми своими трезубцами, орлами и прапорами наперевес, рады будут прибиться к берегу обетованному будущим Соединённым Штатам Европы. Трезубец или масонский циркуль – “зараз” всё одно, не до жиру, кризис! Лишь бы настоящие хозяева новой Европы не сняли с довольствия. Такова на самом деле грошовая цена “атлантического выбора” ющенко. Эти по сходной цене продадут священные предания Запорожской Сечи и “перемогу” над москалями в “исторической” битве при Конотопе – за милую душу.

...Уймиться, господа “легитимисты”! Реинкарнации почивших в бозе царств, укладов и сословий никогда добра не сулили. И вся эта реставрационная горячка только об одном и говорит: новый посткоммунистический порядок в Восточной Европе (да и в России) не задан. Приключилась действительно “временная ловушка”. Непредвиденный “сюркуп” случился вовсе не при коммунистах (“железный занавес”), как мнилось куроням, михникам и гайдарам, а уже в “объятиях” Запада.

У г-на министра особняк...

“В настоящей, заправской Европе государство является продуктом собственной истории народов, а не случайной административной поделкой, устроенной для наибольшей лёгкости административных воздействий” (Константин

Леонтьев). Не является ли, грешным делом, такой “административной поделкой” и грандиозное, десятилетиями возводившееся здание Европейского союза? Закладным камнем его послужило Европейское объединение угля и стали. А идейным зарядом — старая мечта социал-демократов о Соединённых Штатах Европы. Европа — единый рынок товаров и капиталов — без границ, таможен и староимперских заморочек.

“Священная корова” национального суверенитета пока что ещё не пошла на заклание, но исподволь возникает новая, “сверхнациональная” идентичность Маастрихтского договора. Звезд на синем флаге ЕС все прибавляется, а выгоды, экономические и просто житейские, такие, как свободное передвижение рабочей силы, общая монета и социальные евростандарты, избавление от скуки провинциализма, большинством вполне оценены. Но вот насчёт “лёгкости административных воздействий” вышел явный перебор. 80 тысяч законов, директив, предписаний, регламентов и процедур, нарабатанных по мере развёртывания Маастрихтского свитка неугомонной брюссельской бюрократией, всё больше в тягость национальным властям и бизнесу. А кризис только усилил жёсткость и неумолимость “наднациональной” директории Брюсселя, под управление которой с такой скоропалительной мечтательностью отдалась “восточники”.

*“Куда девались восторги”? что сделалось с недавним упоением? где признаки того добровольного стремления к единству, в жертву которого приносились солдаты и деньги, деньги и солдаты? И впрямь, в строку с классиком русской словесности, поляки, пославшие своих “жолнежей” в Ирак тянуть лямку, теперь ропщут, что янки, наобещав с три короба, не дали им поживиться на восстановлении экономики Ирака. Новая шляхта в Варшаве, которая получила от ЕС вкуче 60 миллиардов евро, беззастенчиво интриговала против ЕС на стороне Америки, а теперь теряется, не зная, кому *годить*. Едва кризис на дворе, полякам тут же и напомнили из Брюсселя, что хлебают-то они не из котелка дяди Сэма.*

“...У министра — особняк. Министр едет со своей семьёй на дачу. Мы и не представляли себе, что так будет выглядеть провозглашённая Масариком в его декларации Чехословацкая Республика”, — зло сетовал персонаж Ярослава Гашека. Диссидент и златоуст Вацлав Гавел — чем не “реинкарнация” Масарика? А Чехословацкая Республика, преданная Западом в тридцатые годы, и одна из её сегодняшних правопреемниц — Чешская — имеют много потомственных черт. Одна из таких — сомнительная роль национальной политической элиты, выходцев из диссидентской бражки, для которой политика — способ кормления и гешефта. Не зря, по опросам социологов, молодое поколение чехов и поляков этих оскоромившихся “отцов демократии” ни во что не ставит.

Если государство — частная собственность бюрократии, то здесь вовсе крайний случай. Если кто и нажил капиталец на воссоединении с Западом, так это маргинальная часть интеллигенции бывшего советского блока. Перебежчики и “идеалисты” Пражской весны славно поживились на “бархатных” революциях. Под сурдинку реституций и приватизаций они ловко отписали себе экономические активы, нажитые трудовым народом при социализме. И не менее успешно их разбазарили. А потом ещё целое десятилетие вся эта публика кормилась на ниве евроинтеграции. Когда кризис нагрянул, в латвийском Сейме депутаты изловчились напоследок повысить себе зарплату, призвав граждан патриотично затянуть пояса. На биржах труда на одну вакансию — по 30–40 страждущих, а вот на тёплое местечко в брюссельской бюрократии — охотников тысяча, но, как водится, не про вашу честь!

Незванный “польский водопроводчик”

Поздняя социалистическая модернизация в Восточной Европе оказалась пресечена *рефолуциями*. Нажитые народами весомые экономические активы погублены и растащены, а новой, во искупление, “правильной” капиталистической модернизации, на поверку, так и не случилось. Нигде, куда ни кинь! Восточный угол европейского сообщества превращается в настоящее захолустье. Подобно тому, каковым и был при Миколайчике, Сметоне и болгарском царе Борисе. Не произошло действительного, а не призрачного, в долг и на

подачки, “выравнивания” уровня жизни. А ведь еврокомиссары обещали! Официальный прожиточный минимум в Ирландии и Франции раз в шесть выше, чем в Румынии и Болгарии. Да и у нас в России, даже при несметных нефтедолларовых избытках казны и Центробанка, стоимость продуктовой корзины неимущих слоёв такова, словно сам Иудушка Головлев её высчитывал до копейки. Как тут не припомнить ёмкую формулу “отца социологии” Питирима Сорокина: свобода есть отношение совокупности имеющихся возможностей к совокупности потребностей. Краковский кардинал Войтыла, напротив, проповедовал в те годы, что Польше даст хлеб свобода. На поверку же подтвердилась правота русского Питирима Сорокина, что правительства, следующие принципу невмешательства государства в экономику, зачастую служат не делу свободы, а прямо противоположной цели.

Погодите, шут с ней, со свободой, но для избавившегося от докучной опеки “тоталитарного” государства индивида, “нового европейца”, разве не отдушина свободное движение товаров, рабочей силы, капиталов? Да, есть такая волюшка, если заодно зачислить во благо и торговлю “живым товаром”, наркотрафик, исчезновение западных займов в заморских офшорах... И миллионы чернорабочих, посудомоек, сборщиков апельсинов, больничных сиделок с Востока, нередко с высшим образованием, прозябающих на Западе на птичьих правах... Да ещё новейший миф о “польском водопроводчике”, который перешёл дорогу Джону и Михелю, — отрицательный символ “воссоединения”. Третий мир теперь и здесь, в Старом Свете, сразу за Франкфуртом-на-Одере...

...Новая Великая Депрессия на пороге. Запад и сам ныне затягивает пояс, готовится к долгой и скудной “зимовке”. Правительствам придется прикрывать до лучших времён накладные “собесы”. Много ли дела Западу до мытарств соседей на Востоке Европы? Статьи субсидий погорельцам в бюджете ЕС подвергаются секвестру. А что роптать? Ведь сами по доброй воле присягнули черствому индивидуалистическому либеральному учению — по старине Гоббсу. Нужда железо гнет? Плати по счетам или проваливай? Быть может, обрушившийся, как снег на голову, кризис — испытание веры, ниспосланное рыночным провидением? Есть чем утешить душу.

Миллионы экономических беженцев, глядишь, заполонят Европейский континент.

У “мельницы счастья” заклинило жернов

“Балтийские экономики перегреты и скоро рухнут под собственной тяжестью”, — загадя, ещё за два года до обвала, предсказал аналитик Джон Беннет из “Голдман ассет менеджмент”. Предостережение утонуло в хоре браваурных речей об экономическом “чуде” и процветании новоявленных “балтийских тигров”. Новичкам, что называется, привалило, только успевай загребать жар. Откуда привалило? Поступили на содержание ЕС как несчастные “жертвы советского тоталитаризма”.

В Латвии темп экономического роста зашкаливал за 10 процентов. Эти дутые проценты были предметом особой гордости латышских националистов. Дескать, и они теперь заправская европейская нация, если сподобились на такой впечатляющий рост ВВП. Правда, умалчивалось, что в основе роста не накопления, а долги и спекуляция. На спекуляциях на рынке недвижимости в Риге и в Юрмале за год наживали до 70 процентов маржи. Зарплаты, цены и барыши росли, как на дрожжах. Всю Балтию охватила горячка потребительского бума. К вящему восторгу “балтийских тигров”, курс их местных валют по отношению к евро вознесся. А дешёвые еврокредиты бизнес и домохозяйства брали нарасхват. “Новая Европа” — от Праги до Нарвы — вкушала благодатные плоды евроинтеграции.

“Можно шутить, что в наши дни никто не несёт ответственности за страну, потому что все по-прежнему богатеют”, — словно догадываясь, что добром все это не кончится, высказался Иржи Динтсбир, бывший глава чешского МИДа. И впрямь, коварная фортуна как обольстила, так и исчезла, сгинула. Европейская “мельница счастья” остановила ход, словно заклинило жернов. И едва только мировой кризис грянул, так картонный домик вмиг рассыпался. “Что-то

стряслось в Восточной Европе” – заголовок “Уолл-стрит джорнэл”. Молва оказалась не напрасной. Вся Восточная Европа в одночасье очутилась в зоне экономического бедствия.

Приспело время считать разбитые горшки. “Восточники” спешно слетелись на антикризисный саммит в Братиславе. В один голос взмолились, что спасение их, само собой, на совести западноевропейцев. И запросили немедленно отчинить им 300 миллиардов евро срочной помощи, но потом, правда, скостили “пакет” до 190. Заклинали богатых соседей: “Следование политике “сделай соседа нищим” – нетерпимо!” Надвигающийся экономический коллапс Центральной и Восточной Европы обернётся-де для ЕС ущербом в размере 100 миллиардов евро. А венгерский премьер страдал, что кризис и вовсе может поставить крест на ЕС как общеевропейском проекте. Увы, “старая Европа” к мольбам не снизошла. Прижимистые немцы не раскошелились. Французы, что за народ, оказались с ними заодно. Англичанин Браун “отечески” посоветовал одалживаться на обычных коммерческих условиях в Международном валютном фонде, то бишь у Соединённых Штатов. У самих хлопот невпроворот после обрушения фунта стерлингов.

Братиславская челобитная погорельцев оказалась отвергнута.

А ведь ещё Романо Проди, в бытность главой ЕС, наказывал полякам и прибалтам: “Нельзя доверять свой кошелек Европе, а безопасность – Америке”.

...В пограничной Нарве прозябает знаменитая Кремгольская мануфактура. Марка её известна с середины XIX века. Из 13 тысяч работников осталась едва четверть. Фабрику купили в своё время шведы, как оказалось, чтобы прихлопнуть конкурента на рынке текстиля. В Нарве население в основном русское. Закрытие мануфактуры вполне в строку с задумкой недалёких “чухонцев” выжить ненавистных русских мигрантов из Эстонии. А для титульной нации прожекты вынашивались вовсе другие, головокружительные. Первый президент республики Леннарт Мери мечтал об “интеллектуальном” брэнде новой рыночной Эстонии – что-то вроде доморощенной “Нокиа”. И золотая рыбка и впрямь, словно по волшебству, приплыла через Финский залив к соседям в невод. Ещё в 1992 году с помпой открылось дочернее предприятие “Нокиа” – See Eesti – филиал по сборке микросхем и мобильных телефонов. Наняли две тысячи работников. А в мае 2008-го, ещё до кризиса, “Нокиа” закрыла сборочное производство мобильных телефонов и перекинула его в Венгрию. Простой, дескать, довод логистики: Венгрия на 48 часов ближе к рынкам сбыта. Финны умолчали о главной причине – до 2000 года им было выгодно из-за низкой оплаты труда и высокой технической культуры нанятых (“проклятое” наследие советских времён) получать большие прибыли. Со временем эти местные конкурентные преимущества утратились.

Легка на подъём оказалась “Нокиа”. Один из эстонских премьер-министров, которых меняют там, как перчатки, Андрус Ансип посетовал, что стране остро не хватает по меньшей мере 600 докторов наук (соответствует нашей кандидатской степени) для того, чтобы развивать инновационную сферу и привлечь иностранный капитал в высокотехнологичные отрасли экономики. Поздно хватился: повальная “утечка умов” уже произошла. Из провинциальной и русофобской Эстонии дали тягу и нашли себе занятие на Западе многие из молодого поколения русскоязычных “оккупантов”, обладающие творческими способностями и квалификацией. Теперь их и след простыл.

Ода... золотому тельцу

“...Не сразу объявит цену рублю – двугривенный”, – подмечал Щедрин о проворстве западного человека. Слова Михаила Евграфовича – аллегория экономического ограбления “посткоммунистических” стран, в первую очередь России, под сурдинку “шоковых реформ” и “помощи” Международного валютного фонда. По прошествии лет уже никакая не тайна афера западных менял и правительств, орудием которой была “долларизация” экономик, выкачка за кордон дешёвого стратегического сырья и капитала. Экономисты оценивают эту донорскую перекачку величиной от 0,5 до 1,5 триллиона долларов.

Людей завлекали в райские кущи капитализма. А большинство лишились даже того “скромного” благосостояния, которым располагали при “бедном”

социализме. Тем любопытней, пусть задним числом, проследить, каким образом в умонастроениях “толпы” разожгли ненавистнические чувства к экономическому строю реального социализма, который был им якобы хуже махехи. И высоколобый интеллекул Ральф Дарендорф волей-неволей в этом “охмурении” соучаствовал. Конечно, он не чета “экономическим убийцам” – янки, подвизавшимся под видом советников российского Госкомимущества при Чубайсе. Хотя пафос его был, в отличие от нью-йорских менял и тёмных личностей из Гарварда, не денежный, а “ценностный”, это дела не меняет. “Моё письмо – Ода гражданскому обществу”, – патетически назвал Дарендорф своё послание вызволенным из “неволи” восточноевропейцам. Другой “одописец”, международный спекулянт Сорос, по сути, “вторил” нам те же иллюзии и наущения. Анафемы советскому “господству” на Востоке Европы пронизаны поистине лютеровской неистовостью. “Молох” коммунистической номенклатуры якобы выжимал из людей все соки, презрев насыщенные человеческие потребности. И выход из этого “ада” единственный – капиталистическая реставрация, свободный рынок и гражданское общество. Кто бы сомневался! Берите, пока дают...

Прозрение наступило, лишь когда мышеловка захлопнулась. По последним опросам, меньше трети бывших граждан ГДР, которые радешеньки были падению Стены, стоят на своём. А большинство на чём свет стоит бранят себя. Напрасно, дескать, развесили уши, когда им нахваливали рыночную скатерть-самобранку и благодать “невидимой руки”. В землях бывшей ГДР ностальгия по социализму резко сдвинула политическую ось влево. По данным (март 2008 года) Алленсбахского института изучения общественного мнения, радикальную социалистическую партию “Левые” поддерживали 29,7 процента опрошенных. А правящую коалицию ХДС-СДПГ, соответственно, только 26,4 и 23,3 процента. Так – гневно – настроены теперь “осси”, как зовут в ФРГ восточных немцев.

Вероломство Саркози-протекциониста

Балтия и восточноевропейские страны прошли позднюю индустриализацию по советской модели. Под покровительством Совета Экономической Взаимопомощи они были ограждены от жёсткой мировой конкуренции. Рынки, сырьё, энергоносители обеспечивал Советский Союз. Оказывается, задним числом, что при “ненавистном” социализме экономическая безопасность была прочно обеспечена. А в националистическом раже на Певческом поле они сами и накликали беду. Прорвавшаяся к власти после “бархатных” революций прозападная гуманитарная образованщина без оглядки, мстительно расправилась с социалистическим индустриальным наследием. Усердствовали почище луддитов. В Балтии порушили не только высокотехнологичные предприятия, такие, как ВЭФ, но и крупнотоварное, прибыльное сельское хозяйство по глупости тоже свели под корень. А новые образцовые фермеры нынче на тракторах “Джон Дир” ворвались в центр Риги протестовать, что разорены дотла. Одни лишь морские порты националисты не тронули, чтобы зарабатывать на русском транзите и контрабанде металлов, как в “лихие” 90-е. Но и эта лавочка прикрылась.

В головы всех этих мечтательных “рыночников” втемяшилось, что вот придёт дядя – западный инвестор и на пепелище всё заново отстроит по ранжиру постиндустриальной экономики. Да ещё Брюссель подстрекал, обусловив входной билет в ЕС требованием закрыть Игналинскую АЭС, избавиться от экологически неблагонадёжных предприятий. И что оказалось на поверку? В заместившей советский “индустриализм” хвалёной “экономике услуг” лишь таллинскую индустрию “красных фонарей” безоговорочно можно причислить к новому укладу. В Венгрии закрыты заводы “Икарус”, автобусы которых можно было встретить везде, от Бреста до Владивостока. Можно сказать, “Икарус” просто согнали с рынка. “Ржавый пояс” – индустриальный район Селезии в Польше поразила волна безработицы. Шведский экономист Карл Хинхольм подвёл черту: “В Латвии нет массового производства, на котором были бы заняты работники средней квалификации”.

Бывший громогласный вожак эстонского Народного фронта Эдгар Сависаар из уличного политика превратился теперь в степенного мэра Таллина.

И напоследок прозрел: “Из 15 миллиардов евро западных кредитов лишь десятая часть направлена на развитие экспортных отраслей экономики”. Это и есть зрелые ягоды обещанного Сависааром с поделниками экономического “чуда” под девизом ИМЕ (аббревиатура проекта сепаратистского экономического суверенитета Эстонской ССР). Волчьими оказались те ягоды. “Сухой остаток” воссоединения с демократиями Старого Света только наивных обескуражит. Прорвавшись на радостях в ЕС, “новые европейцы” не заполучили свою “справедливую” долю в налаженном разделении труда на европейских рынках, да и не могли получить. А теперь, как в той поговорке: хоть видит око, да зуб неймёт!

Благословенное гражданское общество, что в святцах всех “бархатных” революций, по неизменной природе своей есть экономическая война не только индивидов между собой, но и государств. Это не отвлеченная книжная премудрость, а факт повседневного выживания при капитализме. Братиславская челобитная — тщетная и наивная попытка опровергнуть суровую данность. В кризис западные покровители немилостиво обошлись с “восточниками”. Вот одно из последних “благодетний”: Брюсселем отпущены миллионы евро на ликвидацию половины рыболовецкого флота Латвии, доставшегося от советских времён. В Лиэпае разрезают на лом рефрижераторы и сейнеры. Хозяева получили отступного, но с обязательством убраться восвояси с затоваренного рыбного рынка ЕС. Да и те, что ещё ходят в море, кругом в долгах. Квоты на вылов трески и кильки Брюссель задаёт скупые, а оптовые цены — один убыток.

Объявлено об отмене строительства австрийской фирмой сталелитейного завода в Румынии. Британский магнат Лакшми Миттал свёртывает производство на приватизированных металлургических заводах в Восточной Европе и на Украине. Концерн “Фиат” отменил инвестиции в 1,3 миллиарда евро в модернизацию автомобильных заводов “Застава” в Сербии. “Рено” и “Пежо-Ситроен” останавливают конвейеры на сборочных заводах Венгрии и Румынии. “Фольксваген” сокращает выпуск на дочерних заводах “Шкода” в Чехии. Президент Франции Саркози открыто оговорил помощь государства концерну “Пежо-Ситроен” в 3 миллиарда евро с условием, что не останутся предприятия во Франции, пусть неизбежной ценой массовых увольнений на сборочных заводах в Центральной и Восточной Европе. Падение в автомобилестроении Европы — 25 процентов! Французам своя рубашка ближе к телу. И либерал Саркози прибегает к прямому протекционизму. Вставшим на дыбы восточноевропейцам французский президент ответил недвусмысленно: если мы не спасём материнскую компанию во Франции, рухнут и филиалы за границей. На фоне всех этих распрей глава представительского Фонда Маршалла “Германия—США” в Центральной и Восточной Европе отмечает: “Люди усомнились в ценностях либеральной демократии, свободных рынков и ЕС”. Восточноевропейцы, дескать, обескуражены, что такие страны, как Франция, прибегают к “национальным решениям там, где нужны международные”.

Одна дойчмарка на кону...

“План Бальцеровича” — “шокотерапия” на всю катушку до сих пор превозносится российскими “монетаристами”. Дескать, и нашим “младореформаторам” хватило бы пороку угнаться за поляками, кабы “ретроградский” Верховный Совет на полном скаку не стащил их за фалды с облучка. На самом-то деле “план Бальцеровича” — такая же пустая пропагандистская фишка МВФ, как и “свершения” другого чародея — Ковалло в Аргентине, под конец приведшие страну к нищете и банкротству. Модернизация через “шокотерапию” — и в Польше рецепт МВФ не сработал. Иначе не было бы сегодня на слуху в Европе злословий о “польском водопроводчике”.

Экономические, моральные и социокультурные издержки насаждения силой модели “свободного” рынка заслоняют, однако, иную, но уже безвозвратную потерю. А именно — так и не погашенный ущерб от выпадения из налаженной системы разделения труда в Совете Экономической Взаимопомощи. Эта сторона дела обходится, по умолчанию, стороной. Между тем у каждой страны — участницы СЭВа была своя твёрдая доля в промышленной кооперации

и масштабном торговом обороте СЭВа. И ещё – гарантированные рынки сбыта, умеренные твёрдые цены на стратегические ресурсы, доступная устойчивая валюта расчётов – переводной рубль. Благодаря СЭВу страны – союзницы СССР обошёл стороной первый мировой шок нефтяных цен 1972 года. Все это вкупе обеспечило долговременное поступательное развитие экономик. Экономическая безопасность представлялась тогда чем-то само собой разумеющимся.

“Бархатные” революции смели налаженное разделение труда в СЭВе как обузу и “гнет”. Но оказалось, что на глобальные “открытые” рынки новичкам протиснуться, бочком, не получится. ЕС на поверку оказался “кособоком” альянсом. Изначально Восточная Европа нужна была Германии и другим заправилам Европейского сообщества не как поприще либерального экономического “миссионерства”, а пространство экспансии и непочатый рынок сбыта. Не потому ли крупные и конкурентоспособные машиностроительные предприятия ГДР правительство Коля распродало за одну символическую дойчмарку? Приватизированные заводы и их технологический потенциал оказались “лишними” в объединённой Германии. Товарные ниши на рынках ЕС давно уже были плотно заняты. Чешские машиностроительные заводы, марка которых известна в мире, оказались за бесценок выкуплены “залетным” дельцом Кахой Бендукидзе, который уже успел славно похозяйствовать на загубленном “Уралмаше”...

К чему вся эта осатанелость, с какой практичные западные немцы порушили индустрию Восточной Германии? Так в древности германские варвары разрушали столицы поверженных царств. Только сейчас над этим всерьёз призадумались. С социалистическим базисом успешно расправились, а что взамен, в искупление?

У роста ВВП в странах Восточной Европы всего-то два-три “столпа”: бум в строительном бизнесе, спекулятивные “пузыри” рынка недвижимости и ажиотажный спрос в сфере потребительского кредитования. И то и другое – в долг, на заёмные средства западных банков, которые на корню скупили всю кредитную сферу. И не без выгоды: маржа рискованных, выданных, как оказалось, напропалую кредитов двойная. О степени местного своего рода потребительского помешательства красноречиво свидетельствует хотя бы такой факт: в Братиславе на одного жителя приходится чуть не втрое больше торговых площадей, чем в соседней Вене, где покупательская способность во много крат выше. И по всей Центральной и Восточной Европе строились всё новые и новые гипермаркеты!

Дебет-кредит такой: государства и домохозяйства жили не по средствам и теперь по уши в неоплатных долгах у МВФ и местных филиалов западных банков. Даже если туго затянуть пояса, не расплатиться. Кредиты номинированы в евро.

Только у расчётливых и осмотрительных чехов дела не так плачевны. Бездна финансовых банкротств перед ними не разверзлась. Но как оценить в изменившихся к худшему условиях на рынках Европы достижение чешской экономики: три четверти её экспорта приходится теперь на Германию? А в самой Федеративной Республике падение ВВП – 10 процентов. И просвета не видно. Соблазн запереть двери, как ни отнекиваются старшие партнеры по ЕС от протекционизма, довлеет над идеологией “Европы без границ”. Чехам только и остаётся, как говаривал автор “Похождений бравого солдата Швейка”, благодарствовать “...сановникам из министерств и нашим капиталистам, которые представляют наш народ на мировом рынке и предоставляют нашей валюте выход на международную арену...”

С радостным гвалтом впопыхах заскочили восточноевропейцы и прибалты в последний вагон уходящего европейского экспресса. И вдруг выяснилось – сидячих мест нет, занято! Ломанулись в другие вагоны – и там толкучка. Так и застряли, бедолаги, в тамбуре. А тут ещё пронесся слух – конечная станция назначения экспресса неизвестна...

Кризис перепроизводства и исчерпание глобальных рынков сбыта – одна из причин глубокого спада мировой экономики. “...Возникают сомнения, действительно ли страны Восточной Европы являются частью Евросоюза? – вдруг призадумалась “Файнэншл таймс”. – Кризис выводит на свет скрытые чувства...” Чего уж там, скажу от себя, скрытничать! В первую голову отчуждение, табачок врозь, касается рынков, с которых новых членов ЕС со слабыми эко-

номиками будут полегоньку вытеснять конкуренты. Это самая горячая тема для “восточников”. Как тут не вспомнить, что в Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ), кроме взаимного планового товарооборота, в 60–80-е годы складывался ёмкий и растущий рынок “третьих стран” — на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, Африке... В совокупности это был масштабный и выгодный рынок, где машинное оборудование обменивалось на сельскохозяйственное продукты. Молодые освободившиеся страны с так называемым некапиталистическим путём развития, при широкой экономической помощи СССР, проходили этап ускоренной индустриализации. И немалую часть торгового оборота стран СЭВ занимал экспорт в эти третьи страны.

“Бархатные революции”, крушение СССР, роспуск СЭВа — и всё насмарку! Вся структура мирохозяйственных связей, в которой СЭВ и страны-сателлиты СССР имели весомую и обособленную долю, в одночасье рухнула. Это был ещё один фугас под экономические основы “реального” социализма как конкурентной мировой системы. При сумасброде Ельцине, когда влывшаяся в “демократическую” кому Россия задёшево избавлялась от советского материального наследия, списаны, заброшены оказались и экономические проекты, инвестиции и торговые связи в “третьем мире”. “Демократы” у власти в бывших соцстранах Европы тоже махнули рукой на некогда освоенные СЭВовские рынки за морем, где их продукция только и была — по соотношению цена-качество — востребована. И это, как мне представляется, не было простой экономической несурзацией и некомпетентностью, а входило в планы поводырей из западных столиц.

“Консенсус” — от лавочника до академика

Вернёмся, однако, к “нашим баранам”... Почему венцом торжества неоконсервативной экономической доктрины после переворота августа 91-го года стало катастрофическое и необратимое обнищание советского среднего класса? Не говоря уже о крестьянстве и пенсионерах — новых “илотах”. Известное дело, почему: “реформаторы” девяностых наломали дров и проворовались начисто. Даже “медведи” и “справедливцы”, если почитать их предвыборные прокламации, гайдаровские “реформы” пылко порицают. И некоторым образом обещают пострадавшим искупление и скромное воздаяние.

Но есть и иной, более основательный мировоззренческий и концептуальный счёт господствующему либеральному “мейнстриму”. В развернутом и целостном виде он содержится в исследовании известного российского экономиста Солтана Дзарасова “Мейнстрим в России: провалы и альтернатива”. Думаю, совсем неспроста его публичный доклад на заседании Отделения экономики РАН в либеральных масс-медиа не удостоился ни строчки. Не в пример тому, в Кембридже и Эдинбурге тезисы Дзарасова встретили живой отклик экономистов кейнсианского направления.

Дзарасов подвергает обоснованному сомнению одну из незыблемых догм неоклассического либерализма. Речь о самом непобиваемом “джокере” либералов, перед которым на Западе спасовали большинство бывших левых и “еврокоммунистов”. Ведь начертано же на скрижалях неолиберализма: вся неустранимая проруха реального социализма и, напротив, провиденциальная правота “свободного” капиталистического рынка в том, что, уравнительно перераспределяя “пирог” общественного продукта, социалистическое государство наносит заведомый вред экономической эффективности и снижает доступную для распределения величину национального дохода. Попросту, господя-товарищи, это все равно, что таскать воду в дырявом ведре. Либеральный “консенсус” на этот счёт — от лавочника до академика — у нас в России как-то сладился. Но вот на конкретном, даже избыточном материале российских “рыночных” реформ “нонконформист” Солтан Дзарасов обосновал несостоятельность всей этой догматики. Той самой, что безропотно принимают на веру и, так сказать, преклоняют пред ней колена бывшие наши казённые марксисты и новые “социалисты” из мироновской думской “оппозиции”. Слово за этим догматом нечто подстать ньютоновой механике о движении тел в пространстве, не подвластной человеческому промыслу.

При капитализме, втолковывают нам, нет и не может быть “вопиющих” экономических потерь и пагубного уравнительного перераспределения богатства, как при плановом хозяйстве советского типа. А потому растёт и растёт себе благосостояние. А там, где эффективность подменена справедливостью, царствуют нужда и всеобщая бедность. Социалистические страны, практикуя перераспределение национального дохода и подменяя весы свободного рынка волей государства, развивались-де порочным путём. Запрещая частную инициативу и прибыль на капитал, они зарезали знаменитую “гусыню, которая несёт золотые яйца”. Потому-то соцстраны под конец и оказались в “нищете”. Так что социализм с его экономической стабильностью и равенством в бедности никуда не годится.

Благодеяние по Парето или ограбление по Марксу?

Такая простая притча в духе Августа фон Хайека. “Чевенгур”, говоритесь? — мается сомнениями “человек улицы”, заподозривший неладное. А всё-таки как насчет обещанных тучных плодов рыночного “благосостояния”? “Теперь, надо думать, воду разносим в целом ведре, — с иронией замечает Дзарасов, — откуда “посторонним” ничего не капнет, и содержимое достанется тем, кого неоклассическая теория считает наиболее достойными”. С позиции непогрешимых либеральных ценностей — всё чисто. Вот почему нет никакой чертовщины в том, что на пике нефtedолларового бума в России разрыв на полюсах бедности и богатства общества, даже по лукавой официальной статистике, превысил пятнадцать крат. Премьер правительства очень-очень по этому поводу который год сокрушается, но и он полон монашеского смирения перед либеральной псалтырью и подданным велит не роптать, для их же “пользы”.

Так кто оказался прав — Войтыла или Маркс? Где обещанные щедрые “дивиденды” почти двадцати лет либеральной лихomanки под видом реформы? Средняя продолжительность жизни в России на излёте экономического бума остаётся самой низкой среди развитых стран. Производительность труда — залог благосостояния — безнадежно отстаёт от конъюнктурного роста ВВП в 2002–2008 годах. Отдача основных фондов не прирастает. Самые обиходные товары на пути от производителя к прилавку удваивают-утраивают цену. А ведь должна была, выставляет финальный счёт либеральному мейнстриму Дзарасов, уже и заработать знаменитая *эффективность по Парето* — сердцевина неоклассической теории свободного рынка. Неукоснительная приверженность открытому экономистом Парето принципу сулила, как по-писаному, избавить общество от “нищеты”, в которой якобы застали нас “реформы”.

Эффективность по Парето исходит из совершенно непреложного: *прибыль — предельный продукт капитала, а заработная плата — предельный продукт наемного труда*. Создающийся на рынке подвижный баланс этих величин и держит экономическое равновесие, движет развитие и прирост благосостояния. В совершенной рыночной экономике все блага эффективно производятся и так же эффективно распределяются среди потребителей. А вечное яблоко раздора, камень преткновения — проблема распределения материальных благ, следуя принципу Парето, из социальной проблемы превращается в техническую. Государству, как игроку, место лишь на скамейке запасных экономики.

Итак, цена всех факторов производства, включая и рабочую силу, приравнивается к величине их предельного продукта. Замечательно, комар носа не подточит. И всё это совершенство, благой порядок в экономике нам и посулили, но только через “шоковую терапию” (“долину слёз”), то бишь решительный слом, подчистую, производительных сил плановой экономики. Солтан Дзарасов со всей прямотой вопрошает сообщество экономистов: “Так какой закон действует в наших условиях: закон оптимальности по Парето или закон капиталистического накопления Маркса, согласно которому концентрация богатства на одном полюсе общества сопровождается нищетой и страданием на другом?”

Политэкономия Большой Ложки

Встроившимся в казённый либеральный мейнстрим экономистам, облуживающим политэкономия Большой Ложки “медведей” из Охотного, как-то неловко отвечать на этот ключевой, но нелицеприятный вопрос. Тогда пусть рассудит жизнь и красноречивая статистика. По данным светлой памяти академика Д. С. Львова, часовая заработная плата работника в Германии – 22,7 доллара. В России – 1,7 (2003 год). Зато на один доллар заработной платы российский работник производит примерно в три раза больший ВВП, чем американский! Независимый экономист Станислав Меньшиков приводит расчёт, что норма прибавочной стоимости в российской экономике превысила 100%. Российские собственники тратят на личное потребление и прихоти 12% ВВП. Более трети валовой прибыли, освобожденной от налогов, класс новорусских скоробогачей расточает на паразитическое сверхпотребление. А в США дивиденды корпораций, уж на что у их заправила руки загребущие, – лишь 5 процентов от ВВП. Да и то немалая толика дохода расходуется среди многих миллионов держателей акций. Если прибыль, по Парето, считать универсальным показателем эффективности, то применительно к российской экономике дело оборачивается полным абсурдом! Получается, что нигде в мире сегодня нет более эффективной экономики, чем российская. Американский экономист Маршалл Голдман “снимает” эту двусмысленность, выделяя её в казусный случай как “пиратскую”.

Жестокая правда в том, что воцарение “эффективных собственников” с большой дороги и возникновение крупной частной собственности в новой России по разрушительности, тяжести и исторической длительности последствий может сравниться лишь с печально знаменитыми огораживаниями общинных земель в Англии. А началось огораживание, когда “овцы съели людей”, ещё в конце XV века и длилось не одно десятилетие. А наши олигархи управились мигом. Правда, у нас при дикостях первоначального накопления с голодухи люди съели овец; так, в Хакасии в 90-е годы овечье поголовье упало впятеро!

“Борцы с коммунизмом” – ультралиберальные реформаторы, их наперсники и потатчики с Запада соблазнили нас и восточноевропейцев райскими кущами и благостью свободного рынка в духе Августа фон Хайека, а получили мы, по полной, ограбление по Марксу. В докладе Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ подведён итоговый счёт “бархатных революций”: “Если в 1989 году в Восточной Европе, включая европейскую часть СССР, за чертой бедности жили всего 14 миллионов человек, то в 1996 году уже 168 миллионов”. С полным основанием можно согласиться с авторами доклада: социально-экономического погрома такого масштаба история не знает.

...Ральф Дарендорф неуместно “упрекал” социалистическую модернизацию в Восточной Европе в том, что она не дала ростков протестантской этики, незаменимой якобы для мотивации труда при капитализме. Но вот почти два десятилетия “либеральной” лжереформации всем показали, что к нашим новоявленным олигархам не пристанет, хоть тресни, никакая этика: ни протестантская, ни корпоративная, ни олигархическая, если таковая есть на белом свете.